ИСТИННОЕ
И
ЛОЖНОЕ
СЧАСТІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

Славнаго *Геллерта.*

ПереводЪ сЪ иностраннаго.

МОСКВА, 1799.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

Всѣ люди желаютъ жить счастливо; всѣ ищутъ средствъ наслаждаться бытіемъ своимъ: но не всѣ идутъ единымъ путемъ, не всѣ избираютъ вѣрнаго руководителя. Одинъ не ищетъ счастія *нигдѣ* — и находитъ его. Разсудокъ просвѣщенный науками и сердце пламенѣющее любовію къ священной добродѣтели, составляютъ для него сокровище, лучшее всѣхъ драгоцѣнностей цѣлаго свѣта, собранныхъ въ одну кучу. Онъ свергаетъ съ себя иго предразсудковъ, не завидуетъ

любимцамъ счастія, полагающимъ все свое блаженство въ *богатствѣ* и *славѣ*, не боится меткихъ ударовъ враждебной судьбы, и наслаждается спокойствіемъ при всѣхъ бѣдственныхъ приключеніяхъ жизни, могущихъ съ нимъ случиться. Слѣдовательно такой человѣкъ счастливъ. Другой ищетъ счастія *вездѣ* — и не находитъ его. Страсти и заблужденія руководствуютъ его: а съ такими путеуказателями можно ли сыскать что нибудь хорошее, рѣдкое? *Богатство* и *слава* манятъ его къ себѣ — и бѣдный слѣпецъ попадает-

ся въ ихъ сѣти. Онъ стремится къ цѣли своей со всею пылкостію несозрѣвшаго ума; видитъ препятствія, преодолѣваетъ ихъ; получаетъ то, чего желалъ, и радуется... Наконецъ минуты ослѣпленія проходятъ — и храмъ счастія его потрясается, падаетъ. . .

Господинъ *Геллертъ* прекрасно описываетъ здѣсь ничтожество богатства и славы и несчастіе людей прилѣпляющихся къ онымъ; изображаетъ также красоту природы, преимущества добродѣтели и семейственное бла-

женство; изображаетъ все сіе слогомъ возвышеннымъ, краснорѣчивымъ, убѣдительнымъ. Его нравоученіе трогаетъ сердце, питаетъ душу и удовлетворяетъ самому разборчивому вкусу. *Живыя*, мастерскія картины, со всѣмъ тщаніемъ превосходнаго Автора обработанныя, доказываютъ дальновидность его воображенія, обширность его свѣденій, и производятъ въ читателѣ новыя, пріятныя чувствованія. *Геллертъ* былъ и будетъ всегда однимъ изъ лучшихъ писателей, коими хвалится Германія.

П. П.

ИСТИННОЕ и ЛОЖНОЕ СЧАСТІЕ.

(Письмо Г. *Геллерта.*)

Je pourſuivois des biens qui ſont une
chimere ;
Je cherchois loin de moi le repos, le
plaiſir,
Et je les voyois fuir comme une ombre
légere
Au moment où mes bras s' ouvroient
pour les ſaiſir.

Leonard.

Гонялся я вездѣ за счастьемъ — за
мечтами,
Искалъ спокойствїя, забавы —
каждой день;
И только лишь хотѣлъ коснуться
къ нимъ руками —
Остался вдругъ ни съ чѣмъ. . . из-
чезло все, какъ тѣнь. . .

Леонардъ.

Какъ! развѣ я существую для того, чтобъ страдать? развѣ для меня одного жизнь есть бѣдственнѣйшій даръ? Не уже ли мнѣ въ тысячу разъ лучше унизиться даже до послѣдней степени животныхъ, ходящихъ съ поникшею главою и лишенныхъ способности умствовать, нежели знать самаго себя, и чувствовать свои горести?.. Могу ли я когда нибудь вкушать чистую радость? Я ищу ее безпрестанно. Это цѣль, къ которой стремятся всѣ мои желанія; это предметъ,

которымъ занимаются мысли всѣхъ смертныхъ! Но чѣмъ утолить мнѣ жажду, меня пожирающую? Почто я не имѣю ни богатства, ни величія? Тогда бы не осталось мнѣ ничего искать; тогда бы я наслаждался съ изобиліемъ безцѣнными сокровищами счастія.. Такъ — я чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ; я въ томъ не обманываюсь — и хочу быть *богатымъ*. Но... подумаемъ прежде!.. *богатство* есть ли въ самомъ дѣлѣ то, чѣмъ оно кажется? Сердце мое, обольщенное мечтами,

не имѣетъ ли къ нему слѣпаго пристрастія? О вы, обладающіе богатствомъ! научите меня познать его.

Ежели *Гарпагонъ*, сей человѣкъ всѣмъ изобилующій, счастливъ — то я употреблю всѣ возможныя средства къ моему обогащенію. Помедлимъ немного. . . я вижу его одного. Онъ считаетъ деньги — улыбается и торопится запереть ихъ. Съ дикимъ взоромъ разсматриваетъ онъ у себя на колѣняхъ золото, видитъ его прирастающимъ въ сундукахъ своихъ; вдругъ встаетъ

съ ужасомъ, смотритъ около себя, сто разъ пробѣгаетъ глазами всѣ углы той комнаты, въ которой находится, съ трепетомъ бросается на свою постелю, думаетъ тамъ найти укрывшагося убійцу и ничего не видитъ. Будучи мраченъ, задумчивъ и подозрителенъ, онъ выходитъ изъ комнаты; но недовѣрчивость его побуждаетъ немедленно назадъ возвратиться къ любезнымъ своимъ сокровищамъ; — боязливою рукою хватается онъ за всѣ замки, и пробуетъ, такъ ли крѣпко они заперты,

какъ были прежде. Гарпагонъ! супруга твоя зоветъ тебя – столъ накрытъ – все готово. Подаютъ полхлѣба — онъ смотритъ и дрожитъ. — „Какъ! вчера только хлѣбъ почали, а нынѣ нѣтъ уже цѣлой половины! кричитъ онъ: скоро мы будемъ просить милостыню!„ – Онъ ѣстъ и взираетъ скупымъ окомъ на то, что удѣляетъ женѣ своей, которая обѣдаетъ съ аппетитомъ. – „Ну! теперь довольно, говоритъ онъ: сбирайте!„ – Сей человѣкъ, имѣющій несчетныя богат-

ства, отказываетъ въ необходимо-нужномъ самому себѣ и женѣ своей. . . Подлой скряга! и будто ты счастливъ? Невольникъ звенящаго металла! и будто ты живешь спокойно? . . . Ахъ! Великій Боже! не наказывай меня богатствомъ, ежели я, подобно Гарпагону, обладая онымъ, долженъ быть жертвою толикихъ заботъ и мученій.

Я удаляюсь отъ презрѣннаго Гарпагона и спѣшу къ *Богатону*, которой, мнѣ кажется, живетъ счастливѣе. Онъ самъ и его домъ — все

блистаетъ великолѣпіемъ. Онъ мнѣ показываетъ все. Чѣмъ внимательнѣе осматриваю я огромное его жилище, тѣмъ болѣе плѣняетъ меня искуство, тѣмъ сильнѣе восхищаетъ меня вкусъ, тамо царствующій. Всякой вещи опредѣлено приличнѣйшее мѣсто; всякая рѣдкость отличается красотою своею. Совершенныя произведенія искуства, учинившія безсмертными имена великихъ художниковъ, представляются повсюду изумленнымъ моимъ взорамъ. — „Вы окружены со всѣхъ сторонъ плѣ-

нительными предметами; кажется, нѣтъ ничего, чему бы вы могли позавидовать; какъ вы счастливы, восклицаю я въ восторгѣ: какъ вы счастливы!„ — Отъ сихъ словъ Богатонъ краснѣетъ... „Какъ! развѣ еще чего не достаетъ у васъ?„ — Узнай, сколько я счастливъ, отвѣчаетъ онъ мнѣ — и слезы мелькаютъ на его рѣсницахъ. — Сынъ мой злонравенъ — и я не могу его исправить; жена моя меня не любитъ — и я тщетно стараюсь обратить ее къ должности. Несчастный!..

утѣшаютъ ли меня мои пышные чертоги? Облегчаетъ ли богатство мои горести? . . Увы! я бы съ охотою пошелъ жить въ крестьянскую хижину, ежели бы чрезъ то можно было мнѣ избавиться отъ печали, меня терзающей.,, —

Вскмрадъ молодъ и богатъ. Онъ наслаждается счастіемъ и раздѣляетъ оное съ друзьями своими. Ни скупость, ни жена, ни дѣти не возмущаютъ его удовольствій. Самая зависть не смѣетъ скрыпѣть на него острыми зубами своими. Ахъ!

кто можетъ пристраститься къ богатству, ежели только будетъ расточать его столь благороднымъ образомъ? . . . Домъ его открытъ, всякій день у него праздникъ. Ежели кто изъ смертныхъ долженъ быть счастливъ, такъ это — Всѣмрадъ. — Другъ мой показываетъ мнѣ его — сего самаго Всѣмрада. Небо! какая страшная блѣдность! какой видъ томной и изнуренной! развѣ онъ боленъ? — Такъ, отвѣчаетъ мнѣ другъ мой; безпрерывное изнеможеніе, тѣлесное разслабленіе — вотъ

зло, отъ котораго онъ страждетъ! Корыстолюбивые врачи продолжаютъ еще болѣзнь его. Ночь есть для него время мученія, а днемъ тщетно старается онъ развлечь себя; тщетно употребляетъ лѣкарства для забвенія скорби своей. Ни друзья, ни игры, ни увеселенія — ничто не облегчаетъ его сердца слабаго и унылаго. Сладкія ѣствы и лучшіе напитки поставляются посѣтителямъ его; Всѣмрадъ ничѣмъ не доволенъ; все ему противно и скучно. Не смотря на то, проситъ онъ всѣхъ своихъ знакомыхъ

не забывать его; старается вмѣстѣ съ ними оживить притупленный вкусъ свой тою же пищею, тѣмъ же питіемъ, думая какъ нибудь забыться, укрѣпить свое тѣло и ободрить духъ свой — но всѣ покушенія его напрасны, всѣ опыты недѣйствительны. — „Другъ мой! сказалъ онъ мнѣ нѣкогда: жизнь моя мнѣ въ тягость; что днемъ производитъ во мнѣ на нѣсколько минутъ удовольствіе, то во время ночи бываетъ причиною моихъ страданій; я не могу заснуть и успокоиться. Естьли бы

я имѣлъ посредственное состояніе, естьли бы я не былъ такъ богатъ; — можетъ быть, увы! *здравіе*, превосходнѣйшее изъ всѣхъ благъ въ жизни, меня бы не оставило . . . . „

Гарпагонъ, Богатонъ, Всѣмрадъ! и такъ ни одинъ изъ васъ посреди изобилія не можетъ благополучіемъ наслаждаться? Тысячи другихъ людей, которыхъ понапрасну величаютъ громкимъименемъ счастливыхъ, доказываютъ мнѣ мечту богатства. И такъ, чтобъ быть довольнымъ и жить спокойно, развѣ

я совсѣмъ не долженъ искать лестныхъ даровъ фортуны? Развѣ пышность и великолѣпіе не удобны доставить мнѣ благоденствіе жизни? .. Это справедливо. Разумъ! приди ко мнѣ на помощь, истреби во мнѣ сію нискую страсть, и научи мое сердце презирать сокровища, кои пріобрѣтаются въ горестяхъ, и расточаются въ праздности. Не уже ли для умноженія богатства надобно заводить хитрыя какія нибудь затѣи, надобно вымучить у кого нибудь наслѣдство? Захочу ли я рабо-

лѣпствовать предъ гордымъ вельможею и учиться подлой лести для того только, чтобъ имѣть цѣлыя груды золота? Стану ли употреблять ложь и клятвопреступленіе, обманывать отечество, сиротъ, церковь и самаго Бога? . . Ежели за сію только ужасную цѣну можно пріобрѣтать богатство, то я отказываюсь отъ него съ омерзеніемъ и его проклинаю.

Есть и другія блага въ жизни: поищемъ же ихъ. *Слава* не почитается ли цѣлію благородныхъ душъ? . .

И такъ — уваженіе цѣлаго свѣта будетъ впредь единственною страстію моего сердца! какое верховное счастіе быть великимъ во время *жизни*, и незабвеннымъ по *смерти*! Я хочу не только пріобрѣсти славу, но и заслужить ее . . . Примемся за дѣла, кои бы достойны были потомства, и увеселяя умъ — научимъ премудрости. Дѣло сдѣлано! я рѣшился быть счастливъ посредствомъ славы. О *слава*! все мое сердце сгараетъ тобою! тебѣ я посвящаю всѣ труды свои, всѣ удовольствія своей

жизни — всего себя! . . Спите, души робкія и праздно-любивыя! всѣ минуты ночи употреблю я на просвѣщеніе человѣчества! . . — *Другъ*, котораго я люблю отъ чистаго сердца, стучится у дверей моихъ. . . съ какою радостію я спѣшу его встрѣтить! . . Но нѣтъ! я присягнулъ славѣ — и долженъ лишить себя удовольствія сбнять его. — Прекрасный *весенній день*, кажется, зоветъ меня насладиться прогулкою въ полѣ, — я сбираюсь итти. . . Безумный! ты хочешь учинить себя

безсмертнымъ, и почитаешь за ничто потерять цѣлой день. . . — Ахъ! какое чувствую я въ себѣ изнуреніе отъ дневныхъ упражненій, и отъ ночей безъ сна проведенныхъ! Надобно мнѣ ободриться и возстановить изтощенныя мои силы. . . Налейте мнѣ стаканъ сладкаго *вина*! . . Но вино клонитъ ко сну и ослабляетъ нервы... Инъ подайте мнѣ воды! . . . Увы! скоро я самъ себѣ ископаю могилу. — *Дориса*! почто я не могу согласить достохвальной охоты къ наукамъ съ прелестями любви?

Услаждаясь вѣрностію твоею, я бы сталъ вкушать въ обьятіяхъ твоихъ отраду жизни. Ты одна, ты соединяешь въ себѣ красоту, благоразуміе и откровенность. Но когда я предамся любви, можно ли тогда совершенно заниматься славою? . . Нѣтъ! любовь требуетъ *всего* сердца; она не терпитъ *раздѣленія*. И такъ — прочь отъ меня любовь! . . стану жить съ предметомъ моихъ попеченій — со *славою*.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ — только обо мнѣ и

говорятъ: я умѣлъ найти свѣтильникъ, освѣщающій мрачныя стези высокихъ наукъ — умѣлъ провести нить чрезъ лабиринтъ знаній, и открыть умственныя очи заблуждающихъ смертныхъ! Моя слава достигла высочайшаго степени! наконецъ обрѣлъ я тебя, счастие! центральный пунктъ моихъ изысканій. Тебѣ, слава! одолженъ я блаженствомъ... Наконецъ я доволенъ; мудрые мнѣ удивляются — я научаю и увеселяю вселенную ..

Но моя слава старѣется... надобно выдать въ

свѣтъ *новое* сочиненіе. — Счастливѣйшій смертный! выди изъ своего усыпленія. Напряженіе ума твоего можетъ ослабѣть, угаснуть. Ты снискалъ уваженіе — славу: старайся сберечь сіи сокровища. — Нѣтъ, этова не довольно! пробудись — рѣшись еще отважиться. . . . забудь удовольствія, покой, друзей и любовь; отрекись отъ самаго себя — пиши! — Правда, твое тѣло увядаетъ; безпрерывные труды вредятъ твоему здравію . . . . нѣтъ нужды! лучше умереть во младости со *славою*, не-

жели дожишь до старости въ *невѣжествѣ*. . .

Свѣтъ видитъ новое, совершенное произведеніе ума моего. Съ восхищеніемъ читаютъ мое сочиненіе, вновь перечитываютъ, и прославляютъ мои успѣхи. И такъ мои желанія исполнились? Могу ли я еще чего нибудь желать? Сердце мое питается лаврами, увѣнчавшими труды мои. . . Но какія новыя чувства вселяются въ мою душу? Я вижу смертнаго, равняющагося со мною. . Что я говорю? Многіе соперники выходятъ на сцену!

я не могу равнодушно снести этой мысли. Равняться со мною! раздѣлять мою славу! . . Нѣтъ! никто не смѣй на то покуситься. Я — я одинъ долженъ служить для вселенной образцемъ и примѣромъ. Дѣло кончено! я не могу быть счастливъ, ежели мой творческій духъ не вознесется превыше слабыхъ моихъ противниковъ.

Безразсудный человѣкъ! доколѣ страсть къ славѣ возмущать будетъ тишину души твоей? Она составляетъ твое мученіе, и бичь ея никогда не престанетъ терзать тебя.

Ты подобенъ больному, которой, страдая горячкою, пьетъ безпрестанно и не можетъ утолить пламенной жажды своей. Какую бы ты ни пріобрѣлъ славу, всегда будешь чувствовать приращеніе ненасытнаго честолюбія и умноженіе своихъ желаній.

Но осмотри внимательнѣе сію славу, другъ мой! Ежели бы ты ее узналъ, повѣрь мнѣ, тотчасъ бы пересталъ искать ее съ толикимъ жаромъ. Развѣ ты не видишь, что величайшая слава есть маловременная, не-

надежная находка? — Будто ничего не значитъ, отвѣчаешь ты мнѣ, то почтеніе и удивленіе, коими вселенная мнѣ жертвуетъ? Будто не льзя почесть за сокровище тѣ всеобщія похвалы, посредствомъ коихъ я узнаю, какъ обо мнѣ думаютъ? — Другъ мой! сію вселенную, которая прославляетъ твое имя, легко можно бы было пробѣжать въ одинъ день. Ты называешь вселенною самую малѣйшую часть земли, да и ту едва ли ты въ состояніи наполнить своею славою. Сей са-

мый человѣкъ, которой читаетъ твои сочиненія, и тѣмъ дѣлаетъ, кажется, честь Автору, часто не знаетъ даже и того, существуешь ли ты? Не рѣдко случается, что тотъ, кто удостоиваетъ тебя своимъ покровительствомъ, внутренно надъ тобою смѣется, и считаетъ тебя въ числѣ безумныхъ. Но хотя бы удивляющихся тебѣ было несравненно болѣе, скажи, будешь ли ты отъ того счастливѣе? Сколько изъ нихъ найдется такихъ, которые презрѣнія достойны? Поло-

жимъ, что тысячи человѣкъ превозносятъ имя твое до небесъ; въ толь великомъ числѣ есть ли хотя одинъ, который бы имѣлъ довольно познаній, чтобъ тебя хвалить, и довольно разборчивости, чтобъ судить о твоихъ сочиненіяхъ? Посмотри, можешь ли ты, имѣя просвѣщенный разумъ, утѣшаться похвалами ихъ, исполненными лести? Они, ни мало не раздумывая, приписываютъ сіи самыя похвалы первому шуту, какой имъ въ глаза попадется. — Но не уже ли совсѣмъ нѣтъ

знатоковъ, умныхъ цѣнителей? Послушай, что они говорятъ обо мнѣ. — Знаю; они тебя хвалятъ, прославляютъ съ восхищеніемъ. Ты имѣешь рѣдкой духъ въ нынѣшнемъ времени; ты обладаешь здравымъ разсудкомъ; ты первой писатель — разумѣется . . . послѣ нихъ; такъ они думаютъ! каждой изъ нихъ въ особенности награждаетъ самаго себя за то уваженіе, которое оказалъ тебѣ; каждой втайнѣ почитаетъ себя тѣмъ, чѣмъ ты кажешься въ его глазахъ. Сей знатокъ, удивляющійся

тебѣ, имѣетъ также какъ ты множество блистательныхъ дарованій; онъ не терпитъ, такъ какъ и ты, чтобъ другіе участвовали въ его славѣ; онъ хочетъ владѣть ею одинъ.

Многіе, говоришь ты, прославляютъ твои успѣхи. Ужъ ли ты почитаешь ихъ увѣренными въ твоихъ достоинствахъ? . . Ни чуть не бывало! одна политика заставляетъ ихъ ласкательствовать тебѣ. Для чего *Воиспренаръ* столько разъ хвалилъ тебя? Чтобъ чрезъ то заслужить выгодное

о себѣ мнѣніе въ свѣтѣ. — Какой нибудь *Ораторъ* трубитъ о тебѣ съ прикрасою? Это не по тому, чтобъ онъ считалъ тебя того достойнымъ, но чтобъ блеснуть своимъ красноречіемъ. — Говорятъ ли о тебѣ за столомъ въ многочисленномъ собраніи? Не ужъ ли ты мечтаешь, чтобъ они сколько нибудь занимались твореніями твоими? Выди изъ заблужденія! это для нихъ все равно, какъ бы они говорили. . . о погодѣ, о визитахъ, о календарѣ прошедшаго году. — *Змѣйкинъ* нынѣ тебя превозноситъ.

Не думаешь ли ты, чтобъ слова его были искренни, увѣрен і чистосердечны? Все не то; онъ хочетъ завтра вывести изъ того на твой щетъ язвительную насмѣшку.

Пусть тысяча человѣкъ, кои платятъ тебѣ дань удивленія, защищаютъ таланты твои; пусть слава твоя будетъ велика; — но долго ли она продлжится? Сердце, ослѣпленное тобою въ первую минуту до энтузіазма, скоро имя твое произносить станетъ съ хладнокровіемъ — скоро наскучитъ

всегда удивляться тебѣ, — будетъ слушать со вниманіемъ разговоры, противные твоему самолюбію, и наконецъ... тебя забудетъ. Эхъ! другъ мой! можешъ ли какой смертный ласкаться, что онъ навсегда избѣжитъ нареканія? Слава не производитъ ли подлую зависть? Критика въ нѣсколько времени сыщетъ въ тебѣ несовершенства; клевета постарается ихъ усугубить. Ты знаешь, что всякой слушаетъ, всякой любитъ колкую сатиру: ты подпадешь ея ударамъ —

и твои недостатки будутЪ нужны кЪ спокойствію твоихЪ недоброжелателей.

ВотЪ участь мудрецовЪ и героевЪ! КакЪ же ты хочешь, чтобЪ столь сомнительное благо, какова есть слава, сдѣлало тебя счастливымЪ? Ты бѣжишь и самЪ трепещешь; ты гонишься и самЪ задыхаешься — за чѣмЪ же?.. За мечтою, за тѣнію... Кажется, что ты уже готовЪ схватить ее — и вдругЪ она изчезаетЪ. И такЪ долженЪ ли ты для блага, которое еще не можешь назвать

своимъ, оставлять величайшее, совершеннѣйшее благо — *спокойствіе жизни*? . .

Опытъ! разумъ! придите, просвѣтите меня и избавьте мое сердце отъ ложныхъ желаній честолюбія и счастія! Ни слава, ни богатство не могутъ меня удовольствовать, насытить — и я вступаю въ сферу здраваго разсудка, и я гнушаюсь подкрашенными ихъ прелестями. Казалось мнѣ, что онѣ удобны наполнить пустоту жаждущей души моей; — онѣ касались одной только поверхности,

не входя во внутренность. Поищемъ надежнѣйшаго блага, которому бы можно было предаться со всѣмъ жаромъ. — Удовольствїе, слава, счастїе! я вами наслаждаюсь, и при всемъ томъ дерзаю еще чего-то желать. Въ моемъ сердцѣ остается *одно* мѣсто, которое ничѣмъ еще не занято. Какому отличному посѣтителю оно назначено?.. О *добродѣтель*! можетъ быть ты возвратишь покой обуреваемому моему духу. . . .

Такъ, смертный! будь добродѣтеленъ — и ты най-

дешь сіе толь вожделѣнное успокоеніе! Прилѣпись къ премудрости, другъ мой! — и ты научишься обуздывать свои страсти! Надобно признаться, что побѣждать самаго себя есть трудная наука — но за то она заключаетъ въ себѣ Божественное удовольствіе. Излишнія прихоти составляютъ предметъ стремительныхъ твоихъ желаній: но не успѣешь ты удовлетворить онымъ, не успѣешь насладиться ими — юность твоя уже старѣется, жизнь твоя проходитъ. На что же всегда желать

большаго? Привыкни лучше избѣгать того, въ чемъ нѣтъ ни пользы, ни истиннаго увеселенія, и будь доволенъ тѣмъ, что судьба тебѣ даровала. Вселенная преизбыточествуетъ удовольствіями: но малодушіе твое препятствуетъ тебѣ ихъ видѣть; — и тамъ, гдѣ находятся милiоны утѣшительныхъ видовъ, едва ли одинъ попадается глазамъ твоимъ.

Счастіе на землѣ существуетъ: научись обрѣтать его въ благополучіи твоихъ ближнихъ. Фортуна осыпаетъ щедростію своею

другихъ, а тебя презираетъ: не почитай блаженными богачей; время переходчиво — оно ихъ съ нищими сравняетъ. Всмотрись пристальнѣе въ образъ ихъ жизни — и ты тотчасъ сдѣлаешься нечувствителенъ къ сіятельной ихъ славѣ, и ты съ завистію будешь смотрѣть на сельскаго жителя, обитающаго въ хижинѣ, довольствующагося малымъ имѣніемъ своимъ и притомъ не жалующагося на участь свою. Ты увидишь его послѣ тягостныхъ трудовъ отирающаго потъ свой, по-

черпающаго воду въ прозрачномъ источникѣ, и утоляющаго ею жажду свою съ большею пріятностію, нежели ты, услаждая изнѣженный вкусъ свой лучшими винами. Онъ покрытъ рубищемъ — онъ бѣденъ; но сей-то бѣдности и одолженъ онъ своею силою и здоровьемъ.

Ищи удовольствій, которыя бы всегда могли наполнять твое сердце, и не были бы сопровождаемы раскаяніемъ. На что желать, чтобъ слава твоя промчалась по вселенной? Есть

у тебя другъ, супруга, семейство — этова для тебя и довольно. Привлеки ихъ къ себѣ своею искренностію, усердіемъ, любовію — и ты сыщешь въ нѣжной ихъ привязанности честь и славу. Услуга, оказанная дружеству, полезной совѣтъ, доброй примѣръ — пусть все это ничего не значитъ въ глазахъ свѣта — суть дѣйствія по всей справедливости *великія.* Повѣрь мнѣ, ты найдешь въ самомъ низкомъ состояніи священныя обязанности! послѣдуй имъ, исполняй ихъ! пусть никто того не замѣ-

тишЪ — но шы все будешь славнѣе героевЪ, покорившихЪ полсвѣта.

Ты имѣешь внутренняго судію — *совѣсть*. Поступай благородно, живи добродѣтельно — и сія вѣрная цѣнишельница дѣлЪ нашихЪ наградитЪ шебя спокойствіемЪ душевнымЪ. Сражаешься ли шы самЪ сЪ собою? Лишь только одержишь шоль знаменитую побѣду — ея тайное одобреніе увѣнчаетЪ торжество твое. . . Стараешься ли шы насладиться пріятностями любви и дружбы? Она отверзаетЪ твое

сердце для усладительныхъ изліяній нѣжности, изощряетъ твои чувства и даетъ имъ новую силу. Величественная природа покажется тебѣ прекраснѣе, и откроетъ для тебя всѣ свои сокровища. Миръ и счастіе, отъ нее происходящія, вездѣ послѣдуютъ за тобою; мѣста, которыми ты проходить будешь, украсятся новымъ благообразіемъ. Попираешь ли ты ногами своими луга испещренные цвѣтами, или идешь искать прохладительной тѣни подъ зелеными и

густыми деревьями? Ты видишь одну красоту, ты ощущаешь одно удовольствіе. Твой умъ, равно какъ и твое око, объемлетъ безконечное пространство. Ты взираешь на высокой дубъ — и чувствуешь, что онъ прославляетъ своего Создателя; ты смотришь на послушную землю — и видишь, что она хвалитъ Его своимъ плодородіемъ, украшается съ нѣкоторою надменностію пожелтѣвшими колосьями, и величается тѣмъ, что питаетъ родъ человѣческій.

Нечаянно ты взглядываешь на простую траву, малѣйшее произведеніе дѣятельной природы — и тебѣ кажется, что она проповѣдаетъ чудесную причину бытія своего. Эмалью покрытыя долины тебя привѣтствуютъ; освѣжающіе зефиры около тебя летаютъ; теченіе ручейковъ, пѣніе крылатыхъ обитателей благораствореннаго воздуха — восхищаютъ внимательный слухъ твой. Ты зришь, что всѣ одушевленныя существа радостными чувствованіями своими

стараются наперерывъ размножить разнообразныя твои удовольствія. Все живописуетъ предъ тобою картину счастія — и твоя душа спокойная и довольная заимствуетъ веселіе отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, кои никакого не производятъ впечатлѣнія въ толпѣ обыкновенныхъ людей.

Удаленный отъ зависти, скупости и чувственныхъ желаній, ты перестаешь приносить жертву истукану страстей своихъ и носишь

при себѣ ключь отъ сокровищъ истинныхъ и нетлѣнныхъ. Будучи твердъ и строгъ въ исполненіи должностей своихъ, ты безъ трепета взираешь на краткую жизнь сію, и съ *Христїянского* довѣренностію предаешься благотворительному Виновнику дыханія своего. Ты ясно видишь, что та же самая всесодержащая Десница, которая отъ вѣчности начертала планъ твоего счастія, промышляетъ о бытіи слабаго червя, укрывающагося отъ зоркихъ очей тво-

ихъ, и находящаго въ песчинкѣ свою пищу и свое пребываніе.

При вѣрномъ *другѣ*, близъ любезной *супруги*, около милыхъ *дѣтей* небольшое удовольствіе покажется тебѣ верховнымъ блаженствомъ. Печальное какое нибудь приключеніе — увы! кто можетъ избѣжать его? — поражаетъ тебя, — ты всѣхъ окружающихъ тебя видишь чувствительными къ своему несчастію. — Ежели лютый врагъ ищетъ случая излить

на тебя ядъ клеветы своей — и сердце твое отъ того скорбитъ; то вообрази, что ты правъ и невиненъ — уныніе твое утихнетъ. . . и бѣда падетъ на главу твоего злодѣя. — Ежели внезапный ударъ злополучія отъемлетъ у тебя все имѣніе — и ты чувствуешь свою потерю; то представь, что Богу, управляющему вселенною, сіе угодно, и покорись безъ роптанія святѣйшей Его волѣ. — Нечаянная ли болѣзнь лишаетъ тебя тѣлесной крѣпости и здравія? Но ты

жилъ трезво и умѣренно; ты не заслужилъ того, что терпишь – и страданіе твое облегчится. – Смерть похищаетъ у тебя супругу, дѣтей и друга. . . ты проливаешь горькія слезы; но утѣшишься, когда подумаешь, что свыше опредѣлено умереть имъ, что они промѣняли время — на вѣчность, печали — на радость, землю — на небо, и что ты скоро увидишься съ ними въ блаженномъ безсмертіи. . .

Другъ мой! сердце правое и доброе да будетъ су-

щественнымъ твоимъ благомъ! Удовольствія твои чрезъ то будутъ чувствительнѣе, огорченія — легче. Въ объятіяхъ добродѣтели наслаждайся богатствомъ и славою! Подъ священнымъ ея эгидомъ укрывайся отъ бурь сего свѣта! Прочія блага, разрушенію и похищенію подверженныя, никогда не могутъ тебя удовольствовать. На все Перуанское золото, на всѣ драгоцѣнности Мексики не можешь ты купить счастія знать и чувствовать, что все то,

чѣмъ ты обладаешь, собственно тебѣ принадлежитъ, и составляетъ твое блаженство. Безъ добродѣтели мы касаемся одной тѣни удовольствія; — но и та въ одну минуту пропадаетъ.

